

**ПРО
ЛЕ
ТА
РИ
АТ**

ВЛАДИСЛАВ

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ 18+
БРАНЬ**

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Книжная полка Вадима Левенталя

Влад Ридош
Пролетариат

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ридош В.

Пролетариат / В. Ридош — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-906827-31-9

Дебютный роман Влада Ридоша посвящен будням и праздникам рабочих современной России. Автор внимательно, с любовью вглядывается в их бытовое и профессиональное поведение, демонстрирует глубокое знание их смеховой и разговорной культуры, с болью задумывается о перспективах рабочего движения в нашей стране. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-31-9

© Ридош В., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Пролетариат	6
I	7
II	9
III	15
IV	19
V	21
VI	23
VII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Влад Ридош Пролетариат

© В. Ридош, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

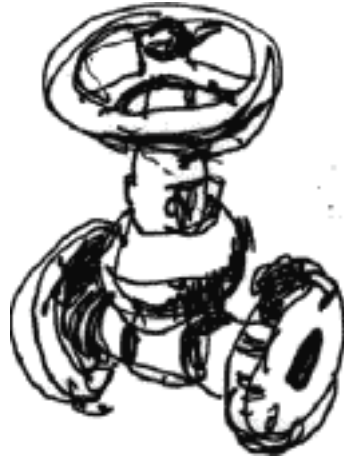
© П. Лосев, оформление, 2019

Иллюстрации Аксины Сарычевой. В оформлении обложки использован рисунок Аксины Сарычевой.

Пролетариат

Я тоже такой, только хуже, я говорю, что я вижу...
Борис Гребенищikov

Настоятельно не рекомендую читать эту книгу лицам, не достигшим 21 года, а также беременным, кормящим, впечатлительным и имеющим романтическое представление о жизни. Честно говоря, я вообще не рекомендовал бы читать эту книгу.

I

Лёлик кончил, приподнялся, вытащил член из Ирки и, стоя на коленях возле неё, спросил:

– У тебя что, менструяк?

– Нет, – ответила Ирка, – а что?

– Да кровь на гондоне, – Лёлик снял презерватив, поднёс к глазам, – о, так она изнутри.

Ирка приподнялась на локтях. Лёлик взялся рукой за член и оголил головку, которая оказалась в крови. Ирка негромко взвизгнула.

– О, ёб твою... уздечку порвал, кажись. Да не вопи ты! Надо же, вроде не целка, а вон какая узкая, – улыбнулся Лёлик.

Он сходил в ванную, подмылся и вернулся в комнату, прижимая скомканный кусок туалетной бумаги к члену.

– Ладно, хули, щас кровь остановится, схожу до аптеки.

– Зачем? У меня есть зелёнка и пластырь, – растерянно сказала Ирка.

– Нахуй мне твой пластырь? Тем более зелёнка. Хочешь, чтоб хуй был зелёный, как у инопланетянина, что ли? – засмеялся Лёлик.

Он убрал бумагу от головки, на ней было немного крови. Лёлик прошёл на кухню, выбросил бумагу, попил и, вернувшись в комнату, стал одеваться. Ирка тоже стала одеваться, не переставая говорить, что, может, надо к врачу, или всё-таки намазать зелёнкой, или с кем-то посоветоваться. Лёлик одевался, не обращая внимания на её болтовню. Одевшись, он вышел из квартиры и, спустившись вниз, зашёл в аптеку, которая находилась в том же доме. В аптеке Лёлик попросил новокаин, шприц и спирт. Этилового ему, конечно же, никто не продал, и он взял муравьиный. С этим набором юного анестезиолога он вернулся домой. Ирка потихоньку собиралась на работу: она была лаборанткой на заводе, и сегодня у неё была ночная смена.

– Я скоро ухожу уже. Еда на плите. Мы утром увидимся в пересменке?

– Не знаю. Может, увидимся, может, нет. Если автобус нормально приедет. Мне же ещё смену надо принять и на эту ебучую пятиминутку сходить.

– А куда ты ходил-то?

– Да пива взял, вечерком попить, – Лёлик показал полторашку, которую купил в соседней с аптекой пивной. Про аптеку он решил ничего не говорить, всё равно она, баба, ничего не поймёт.

Остаток дня Ирка всё ходила за Лёликом, советуя, что ему лучше сделать, или просто болтая о том о сём, а то и, хихикая, говорила, какой он у неё страстный и неудержимый. Лёлик слушал всю эту болтовню, периодически что-то отвечая, и ждал, когда уже Ирка свалит на работу. Бабьей болтовни Лёлик не любил, но молчаливых женщин Лёлик не встречал, поэтому приходилось терпеть.

Когда Ирка наконец ушла, Лёлик пошёл на кухню, налил себе для храбрости пива и стал неторопливо его пить. Он как будто о чём-то задумался, но когда пиво в кружке кончилось и он очнулся, то сам не знал, о чём именно он думал. Посмотрев на пустую кружку, Лёлик вздохнул и пошёл в ванную. Там он достал из шкафчика бритву, разобрал её и вынул лезвие. Достав из того же шкафчика вату, Лёлик оторвал кусок, промокнул в муравьином спирте и стал протирать лезвие, которое после положил на ту же ватку. Затем, взяв бутылёк новокаина, Лёлик с помощью ножниц снял с пробки жестяную обёртку. После этого он спустил растянутые семейные трусы, взял в руку член, на котором виднелись засохшие капли крови, помыл его под струёй тёплой воды и протёр головку спиртом. От спирта кожу на члене неприятно защипало. Распечатав шприц, Лёлик набрал им несколько кубиков новокаина из бутылка. Сделав все приготовления, Лёлик, держа в руке шприц, сел на унитаз.левой рукой взяв член и немного ого-

лив головку, Лёлик осмотрел рваные края разорванной уздечки. Держа в правой руке шприц с новокаином, он выпустил воздух и аккуратно, но быстро сделал укол в головку. Резкую боль от укола почти сразу сменило онемение. Лёлик положил шприц, помял член и, убедившись, что он ничего не чувствует, дотянулся до раковины и взял лезвие. После, по-прежнему держа член левой рукой, а лезвие правой, Лёлик аккуратно сделал несколько надрезов на обеих половинах той полоски кожи, которая раньше соединяла головку и крайнюю плоть. Выступила кровь. Ещё чуть-чуть покромсав края, Лёлик отложил лезвие и прижал края друг к другу пальцами. Боли не было, но неприятное ощущение как будто рукой сжимало желудок. «Лишь бы хуй не встал», – подумал Лёлик. Посидев ещё немного, он разжал пальцы. Края уздечки прилипли друг к другу. Член был испачкан в крови, но Лёлик подумал, что лучше его сейчас не трогать. Он встал, подошёл к раковине, помыл лезвие и, собрав бритву, убрал её в шкафчик. Шприц он пока на всякий случай оставил, закрыв иголку колпачком. Новокаин Лёлик убрал в холодильник. Стоя на кухне, Лёлик посмотрел на пиво: «Блядь, а пиво-то не попьёшь. Ссать потом заебёшься». Постояв ещё немного, Лёлик пошёл в комнату и сел за компьютер. Действие новокаина начинало проходить, и режущая боль в головке всё сильнее давала себя знать.

Лёлик кончил, приподнялся, вытащил член из Ирки и, стоя на коленях возле неё, посмотрел на окровавленный изнутри презерватив. Прошло двое суток, на протяжении которых Лёлик пересекался с Иркой только в пересменке на работе, но этого времени, похоже, было недостаточно.

– Не срослось, – произнёс Лёлик, – да и хуй с ним.

II

Прошла всего пара недель, как Пизда устроился на завод. В обычном режиме работа на заводе сменная. Но когда в цехе капремонт, всех выводят в день. Это значит, что все операторы работают пять дней в неделю по восемь часов. Да, в цехе есть операторы, работающие с оборудованием, есть слесаря, которые его чинят, и есть технологи, которые знают или должны знать, как всё работает. И сейчас один из таких технологов, сам бывший оператор, стоял в небольшой будке, где вдоль стен стояли лавки, а на лавках сидели мужики, которых из смены вывели в день. Обычно в этой будке, которую часто называли стекляшкой, сидели по два человека в смену, теперь их было десять. Они шутили, подкалывали друг друга. Начальник отделения, стоя возле двери, ставил им задачу:

– В общем, слушайте сюда. Нужно пройти все задвижки, которые относятся к вашей стадии, проверить их ход и смазать солидолом. Ну и не затягивайте.

– Чё, Сосок, работы нет, а занять чем-то надо? – спросил один из мужиков.

Он был в другой смене, и Пизда ещё не знал, как его зовут.

– Какая разница? – ответил Сосок. – Всё равно вам же на пользу! Потом ведь самим легче пускаться будет.

– Да их расхаживай-не расхаживай, один хуй, на пуске заебёмся, – сказал другой и тут же добавил: – Вон Терминатор сильный, пусть крутит.

Все засмеялись, а Терминатор – здоровый накачанный парень, усмехнувшись, сказал:

– Вот никуя ты не прав! Тебе как раз надо крутить, чтоб мышцу подкачать.

Все снова засмеялись.

– Крутите, в общем, как хотите, но чтоб работа была сделана, – сказал начальник и вышел.

Пизда, сидевший с краю, поднялся:

– Ну что, пойдёмте?

Лёлик, его наставник, улыбнулся:

– Молодой, горячий!

И, уже обращаясь к нему, добавил:

– Куда торопиться-то? День длинный. Сейчас чаю попьём – пойдём.

Посидели, попили чаю, поговорили.

– Ладно, пойдёмте хоть посмотрим, – сказал наконец Лёлик.

Все стали подниматься, убирать кружки и, надевая на голову каски, а на плечо – подсумок с противогазом, потихоньку начали выходить из будки.

– В начале капремонта всегда так, – сказал Лёлик Пизде, – делать ещё нечего, ничего не разобрано, а занять нас чем-то надо. Вот ходим друг за другом, хуйнёй страдаем. Зато потом будем бегать, жопа в мыле, до восьми оставаться, потому что никуя не успеваем.

Стекляшка находилась в большом машинном зале, где стояли три турбины, которые во время работы создавали адский шум. Сейчас всё было остановлено, турбины разбирали механики. Идти надо было на улицу, где находились трубопроводы, на которых были установлены огромные задвижки. Теперь они были закрыты – это они, Лёлик и Пизда, и закрывали их во время остановки, а при пуске их снова надо будет открывать. Задвижкам этим, как и самому цеху, было больше тридцати лет и, чтобы крутить их, требовалось немало усилий. Сейчас, когда пар и газ были сняты с цеха, их можно было спокойно открывать и закрывать. Это и называлось расхаживать задвижки, промазывая их солидолом. Задвижек было чуть больше двух десятков на десять человек. Работы в целом часа на два, если не торопиться.

– Ну что, пойдёмте покурим для начала, – сказал кто-то.

– Да, надо солидол ещё взять и ашцевухи, – добавил кто-то другой.

– О, Пизда, ты не куришь же, – сказал Лёлик, – сходи к слесарям за солидолом и возьми в будке пару ащевух. Здесь же и встретимся.

Все пошли курить, а Пизда пошёл в слесарную мастерскую за солидолом. На часах было начало десятого. Рабочий день начинался с восьми, но какое-то движение – только с девяти, когда начальники проведут свои планёрки, будет определён фронт работ и будут подписаны специальные разрешительные документы для опасных работ – наряды-допуски. Дверь слесарки была заперта. Пизда стукнул несколько раз, открыл Эдик, слесарь.

– Чё надо? – спросил Эдик.

– За солидолом послали, – ответил Пизда.

– Хорошо, что не на хуй. Пойдём.

Эдик пропустил Пизду в слесарку и закрыл за ним дверь. В глубине помещения стоял большой стол. За ним сидели слесаря и играли в карты. Кто-то дремал, привалившись к стене. Эдик порылся в углу, достал нижнюю половину разрезанной пятилитровой бутылки, наполненной вязкой, цвета грязи, субстанцией, и отдал её Пизде.

– Чё, задвижки, что ли, расхаживаете? – спросил Эдик.

– Ага, – ответил Пизда.

– Хули толку их расхаживать! Там проржавело всё. Их надо снимать и ревизировать, а то и вообще менять нахуй, а не солидолом мазать.

– А чего их не меняют тогда? – спросил Пизда.

– Вот сразу видно, что ты недавно работаешь. На что их менять-то? Ты думаешь, тут, ебать, полный склад вентиляй, задвижек, насосов? Нет же нихуя! А что было, спиздили давно да сдали нахуй в металлолом. Вот и чиним по десять раз одно и то же, из старого новое собираем. Так что вот тебе солидол, вперёд и с песней.

Пизда вышел, а Эдик закрыл за ним железную дверь. Пизда дошёл до стекляшки и, войдя в неё, взял в углу возле двери два железных прута с наваренными на концах болтами, превращающими пруты в подобие латинской заглавной буквы F. Такие пруты, которые на заводе назывались «ащевухи», нужны были, чтобы открывать или закрывать задвижки. Первое время, когда Пизду просили захватить ащевуху, он не мог понять, чего от него хотели. Но потом ему показали и объяснили что к чему. С ащевухами и солидолом Пизда отправился обратно на улицу. Когда он пришёл, ещё никого не было. Спустя несколько минут появились и остальные.

– Ну что, время – к половине десятого. Надо до обеда хоть парочку захуярить, – сказал Вован, здоровый детина чуть старше Пизды.

Взяв ащевуху, он приладил её к штурвалу задвижки так, чтобы штурвал оказался между двух приваренных болтов, а сам прут – в качестве рычага. Вован с видимым усилием налёг на прут и сдёрнул задвижку. Дальше она уже открывалась голыми руками.

– Опять, что ли, ты затыгивал? – спросил он Терминатора.

– Ну я.

– А нахуя? А потом задвижки ломаются, – заметил пожилой оператор. – Достаточно просто обтянуть, тянуть-то так зачем? Или резьбу сорвёт, или задвижка сама лопнет, или открывать потом заебёшься.

Терминатор как будто немного обиделся.

– На, открывай до конца, потом промажешь шток солидолом и закроешь. Снова откроешь и снова закроешь. Потом так же надо будет обтянуть, – сказал Вован Пизде, а сам пошёл открывать другую. – Сейчас вот две хотя бы прогоним и на обед.

Пизда стал открывать задвижку. Штурвал был в диаметре чуть меньше метра.

– А почему мы не можем сразу распределиться и сделать всё? – спросил он Лёлика, своего наставника.

– Потому что хорошую работу надо беречь. Начальнику же, блядь, главное нас чем-то занять. Если мы быстро сделаем одно, нас озадачат другим. А платят нам, ебать, за время, а не за сделанное. Поэтому крути себе, не торопясь, до пяти время есть.

Пизда с некоторым усилием стал открывать задвижку. Вован уже сдёрнул другую, и её крутил Терминатор. Остальные стояли рядом. Кто-то разговаривал, кто-то смотрел по сторонам, оценивая, что надо будет сделать. Когда Пизда открыл где-то наполовину, а видно это было по штоку, выходящему из редуктора, его сменил другой. (Задвижка состоит из так называемого тела задвижки – это сам корпус, вмонтированный в трубопровод; внутри клин, который открывает или закрывает ток по трубопроводу; клин приводится в движение штоком с помощью редуктора с маховиком; при поворачивании маховика, или штурвала, система зубчатых передач поднимает шток, а он в свою очередь поднимает клин.) Пизда встал рядом с другими мужиками, его руки немного устали.

– Ну что, устал? Ничё, поработаешь маленько, – подкачаешься, – сказал Лёлик.

– Да не, хуйня, – ответил Пизда, – вот паровую после остановки было тяжело закрывать, а это хуйня.

– Ну паровую – это, ебать, привыкай. Её постоянно надо будет крутить. Её, блядь, иной раз по несколько раз за смену крутить приходится.

– А почему нельзя на ней, как на других, сделать электрический привод? Нажал кнопку – она открылась, нажал другую – закрылась.

– А ты, блядь, что делать будешь тогда? – с улыбкой ответил Лёлик. – Там давление большое, электропривод не выдержит.

– Я, может, тоже не выдержу?

– А куда ты, нахуй, денешься? Где автоматика не может, там всегда может человек.

Пока они говорили, обе задвижки открыли до конца, обильно намазали штоки солидолом, и уже другие мужики стали их закрывать. Где-то на середине хода мужики сменились ещё раз. – Ну чё, бля, время к одиннадцати, пора, ебать, в столовую, – сказал Толстолобик, – потом, нахуй, подтягивайтесь все в будку.

– Нахуй мне ваша столовая, у меня своя пайка, – ответил Лёлик и пошёл в сторону стекляшки. За ним следом пошло ещё несколько человек, а Пизда с остальными отправились в другую сторону – в заводскую столовую.

Столовая была в соседнем цеху. Идти было не очень далеко. Старенькое двухэтажное здание. На первом этаже – магазин, а сама столовая – на втором. Возле лестницы стояли вешалки для верхней одежды и противогазов. Просторный зал был заставлен простыми столами и стульями, каждый стол на четыре человека. Не меньше половины столов было уже занято, при том, что обеденное время только начиналось. Через весь зал тянулся большой прилавок, вдоль которого стояла огромная очередь с подносами. Прилавок делился на секции: салаты, супы, горячее и гарниры, затем выпечка и напитки, и в конце – касса. В середине очереди стояли мужики из их цеха.

– Вот как работать так никого, а как в столовую раньше всех – пожалуйста, – громко обратился как бы к кому-то конкретному, а вроде и ко всем сразу Вован, который шёл рядом с Пиздой, или, вернее, Пизда шёл рядом с ним.

– А хули ты хотел? – ответили из очереди. – Кто не работает, тот ест!

Вован взял поднос где-то в самом конце очереди, затем прошёл в середину к мужику из их цеха, легонько толкнул его и, сказав «подвинься», попросил сзади стоящих дать ему оливье.

– Чё растерялся? – сказал он Пизде. – Бери поднос да пиздуй сюда.

Пизда, немного робея перед большой очередью, так и сделал. Взяв «летний» салат, он стал оглядывать прилавок, соображая, что выбрать. В итоге он остановился на супе харчо и свинине с картошкой. Очередь двигалась небыстро, но и не медленно, в конце концов, это был обед, а на обеде торопиться некуда. Наконец общее течение принесло Пизду к кассе, по

дороге он успел ещё прихватить пару стаканов компота. Рассчитавшись «жирным» талоном, какие выдавали на время капремонта каждому работнику, Пизда взял поднос и пошёл за столик, который уже занял кто-то из его бригады. Сев, Пизда приступил к обеду, последовательно расправляясь с салатом, супом и свиной с картошкой. За столом периодически кто-то говорил что-то типа: «За такие деньги могли бы кормить и получше», – но Пизда был не очень избалован вкусной домашней едой, и столовая казалась ему вполне нормальной. Запив всё компотом, он стал дожидаться остальных. Ждать пришлось недолго, почти одновременно все встали из-за стола и пошли относить подносы с грязной посудой в окошко для её приёма.

Не торопясь, чуть переваливаясь, компания шла от столовой в свою будку. Времени в столовой они потратили не очень много, поэтому теперь могли немного посидеть в тишине и, подобно хищникам, переваривая свои обеды. В стекляшке сидели и дремали те, кто принёс своё и никуда не ходил. Пришедшие заняли свободные места и, привалившись к стене, то ли задумались, то ли задремали.

– Скорее бы пятница, – сказал Терминатор, – позову друганов, как нахуяримся! Моя такие охуительные крылышки в меду готовит! Пацаны мне сразу сказали: «Давай у тебя бухать». Моя сказала: «Ладно, но тогда с вас пивас». Так что жду не дожусь прям!

– Крылышки-хуйлышки. Я вот сегодня после работы пивка возьму, рыбки. У меня в доме прям, – сказал на это Лёлик, – всегда там беру. Полторашечку под рыбку – самое заебись! У меня в их магазине карточка есть – бонусы капают.

– Крюгер? – спросил Вован.

– Ну.

– Тоже у них беру. Тёмное с женой любим. Ты рыбку какую берёшь?

– Блядь, забыл, как называется. Короче, есть у них там вяленая такая.

– Знаю, кажется. Но мне больше уши по душе. Копченые, под пивко – охуительно!

– Ну и хули, сядешь в одну каску и будешь сосать, – ответил Лёлику Терминатор, – а тут – с друзьями да с домашней закуской! Это совсем другое!

– Вот что ты с друзьями или у друзей будешь сосать, я не знаю, а я спокойненько, в удовольствие попью, – ответил под общий смех Лёлик.

Терминатор в долгу оставаться не хотел:

– Хуйню ты, Лёля, говоришь. У друзей сосать...

А сам, блядь, хуяришь в одну харю, как алкоголик.

– А ты, значит, групповуху предпочитаешь?

Все засмеялись, и кто-то добавил:

– О, схлестнулись голубки!

– Да уж лучше групповуха, чем змею душить.

Каждую реплику ждали, и каждая реплика встречалась как удар ракеткой по теннисному мячу. Все ждали – пропустит или отобьёт и каков будет этот ответный удар.

– Хули мне душить, у меня вон баба. Пришёл – засадил. Это у вас, молодых, всё сложно: дам, не дам, ты сначала полижи. А, Терминатор, пилотку-то лижешь? – с ехидством спросил Лёлик.

– Лёха, опять ты всякую мерзоту собираешь, ну, ёбанный твой рот, – сказал Вован.

Но все уже ждали ответа Терминатора. А Лёлик всё подначивал:

– В вонючую волосатую пизду любишь язычком залезть?

Все стали морщиться: «Ну вот, пошло-поехало». Терминатор же совершенно спокойно ответил:

– Лёля, это твоё поколение привыкло в вонючих кустах на ощупь пихать. Вообще-то давно уже изобрели женские станки для бритвы и ванны. И всё там выбрито, чисто и приятно на ощупь и на вкус.

Будка взорвалась хохотом, а Лёлик не унимался:

– Может, и себе побреешь, как пидор какой-нибудь?

– А тебе что, колет, что ли?

Повисла минутная пауза, смысл сказанного дошёл не сразу, но, когда дошёл, новый взрыв потряс будку. Это был уже даже не хохот, а просто безудержный ржач, то накатывающий, то откатывающий, как волна. Просмеявшись, Вован поднялся:

– Ну вас нахуй, ребята, пойдёмте работать.

Все нехотя стали подниматься и искать свои каски и противогазы. Лёлик, ничуть не обиженный, собрался и вышел вместе со всеми. Не торопясь двинули в курилку. Кто-то из некурящих пошёл в туалет. После словесной дуэли все как будто выдохлись, и общий разговор не шёл, только отдельные брошенные фразы, встречаемые чем-то вроде «угу».

Покурив, отправились к оставленным перед обедом задвижкам. Было около половины первого. Делать что-то на сытый желудок не хотелось, но всё же потихоньку приступили. Прошли ещё пару задвижек, потом ещё пару, решено было после следующей сделать перекур. Около двух часов сходили на перекур.

– Ну вот, ещё пару часов, и пойдём жопы мыть, – сказал Лёлик.

– Но ведь мы не успеем сегодня все задвижки пройти, – ответил Пизда.

– И чё? Значит, завтра продолжим. Ты боишься, что тебе работы не хватит? Не бойся!

Курилка не вмещала в себя всех желающих, и многие стояли на улице, наблюдая, как цех готовится к капремонту. Подъезжали машины, автокраны, что-то выгружали, подключали, собирали. Кругом стояли и что-то обсуждали технологи и механики.

– Столько белых касок, а работать некому! – сказал Вован.

Вернувшись с перекура, Лёлик, взяв ащевуху, сорвал следующую задвижку, но от руки она дальше не шла. Пришлось крутить ащевухой на протяжении всего хода штока. Пизда помогал Лёлику, где-то на середине Пизду сменил Терминатор, а Лёлика – Длинный.

– Эту придётся раза два прогнать, – сказал Вован.

Когда шток дошёл до верхней точки, его по всей длине намазали солидолом и стали закрывать уже другие, также сменившись на середине. Затем, снова сменившись, стали опять открывать. Наконец с ней было покончено, перешли к следующей. И опять сорвал Лёлик, открывал Пизда. В это время другая половина бригады открывала другую задвижку метрах в трёх от них. Открыли, промазали и стали закрывать. И соседнюю – так же.

– Ну что, ещё одну и курить?

– Да, что-то мы разогнались, надо бы и на завтра оставить.

Прогнав ещё по одной, пошли курить. В руках Пизды чувствовалась усталость.

– Ничё, подкачаешься, будешь как Терминатор, – сказал с насмешкой Вован.

III

– Здравствуйте, я к Узбеку, – сказал Малыш вахтёрше.

– К кому? – спросила вахтёрша.

– В триста сорок пятую.

– А, так бы сразу, а то узбеки какие-то. Гости до одиннадцати вечера!

– Само собой!

– И никаких пьянок-гулянок и всяких там выходок!

– Обещаю!

– Обещает он, ага! Чтоб в триста сорок пятой тихо выходные прошли, ну да, конечно!

Малыш прошёл мимо окошка вахтёрши, с лестницы ему навстречу уже спускался Узбек.

– Здорово, Малыш!

– Здорово, Узбек! Ты, стало быть, любишь порядок нарушать?

– Кто, я? Никогда! Если только иногда, то в окно ночью за догоном вылезу, то бабу тайком проведу. А так нет, ты что! Хотя было как-то, когда бабу в окно на верёвке поднял, но это только раз, – засмеялся Узбек, – принёс?

Малыш открыл пакет, Узбек заглянул, в пакете блестела ноль семь беленькой.

– О, заебись! И у меня ноль пять. Надо будет вечером за догоном идти, – усмехнулся Узбек.

Поднялись на третий этаж заводского общежития, повернули направо, прошли несколько дверей и оказались возле обшарпанной двери, на которой ручкой было написано «345». Узбек отпер её, пропустил вперёд гостя и следом зашёл сам. Комната была квадратов восемнадцать, слева от входа стоял буфет с крашеными белыми дверцами, на столешнице буфета – электрическая двухкомфорочная плитка. Справа от входа тарахтел старенький холодильник «Саратов». Из остального – две кровати, два шкафа и стол с двумя стульями возле окна. Кровати стояли возле правой стены, разделяла их тумбочка, ещё одна тумбочка стояла в изголовье ближней к входу кровати. У противоположной стены между шкафами на тумбочке располагался телевизор.

– Ты с соседом, что ли, живёшь?

– Ага, он уехал вроде на пару дней. Сегодня, в общем, его точно не будет. Не любит он, когда я бухаю. Особенно с друзьями. Мы его доёбывать начинаем. Но этот крепкий попался. Обычно у меня соседи после первой пьянки съёбываются.

– А он с тобой не пьёт, что ли?

– Бойтся, наверное, – засмеялся Узбек, – ладно, хуй с ним. Давай свою в холодильник поставь, а начнём с моей, она уже вспотела.

Узбек достал поллитровку из холодильника и поставил туда принесённую нольседьмую. Также он достал из буфета два стакана и поставил их и бутылку на стол. Потом опять полез в холодильник, достал оттуда сало и банку огурцов.

– У соседа родители в деревне живут, вот балуют иногда.

– У вас общие продукты, что ли?

– Да нет, я просто не спрашиваю. Может, съедет быстрее. Люблю один жить, – Узбек опять засмеялся.

Он достал из буфета нож и булку черного хлеба. Сели за стол. Узбек нарезал сало и хлеб, открыл банку огурцов. В это время Малыш открыл бутылку и налил по полстакана.

Взяли. Подняли. Чокнулись. «За встречу!» Выдохнули. Выпили. Занюхали ломтиком хлеба.

Узбек взял бутылку и разлил по второй. Малыш положил ломтик сала на хлеб и отправил бутерброд в рот.

– Малыш, ты чё, ёбана! После первой не закусывают!

Взяли, подняли, чокнулись, выдохнули, выпили.

Малыш на закуску доел бутерброд, Узбек откусил кусок солёного огурца.

– Ну вот, пошло дело!

– Узбек, всё хотел спросить, как там у вас в цехе-то дела?

– Да так же всё. Начальство хуйнёй страдает. Перед капремонтом пришёл начальник, говорит: «Пишите, что нужно сделать». Написали. И хули? В итоге в капремонт сделали хорошо если половину. Этого нет, того нет, времени тоже нет. Стали пускаться. То не подключилось, другое по пизде пошло. Начальники на нас – никуя не работаете! Мы же им и говорим: «Вот же писали, что надо сделать и то и другое». Знаешь, что ответили? «Так надо было настаивать!» Настаивать, ёб твою мать!

– В общем, всё как обычно, – грустно улыбнувшись, Малыш вылил остатки водки в стаканы. Набралось едва ли по четвертинке.

Узбек глянул на стаканы:

– Не, так дело не пойдёт!

Он встал, дошёл до холодильника, взял ноль семь и по пути к столу открыл. Сев за стол, он долил в стаканы до нормы и поставил бутылку.

Взяли, чокнулись, выдохнули, выпили, закусили.

– У тебя-то как? – спросил Узбек.

– Да никуя. Ну что начальником отделения стал, это ты слышал, наверное. Одна мозгоёбка. Наряды, бумажки, начальник мозги ебёт то одним, то другим.

– Зато по зарплате лучше.

– Да лучше ли! Это у вас цех крупнотоннажный, а у нас что? Я получаю, поди, чуть больше твоего, а гемора выше головы. Ещё ведь штрафы выписывают то за одно, то за другое.

– А ты не нарушай, ёбана.

– А я, что ли, нарушаю? Вот ты накосячишь, получишь депремию, а начальник твой получит за тебя пизды. И что, он виноват в этом? Плохо дисциплину, блядь, поддерживает.

Малыш взял бутылку и наполнил оба стакана до половины.

Взяли. Приподняли. Выпили. Медленно выдохнули.

Узбек, не прожевав до конца бутерброд, заговорил:

– Не, ну а хули! Нас начальник тоже ебёт. За всякую хуйню причём. В производстве не понимает никуя! Только одно знает: «Надо работать». Как будто мы хуи ходим пинаем. Вам же, говорит, турбину даже покрасили, почему вы не работаете? Ну дурак или нет, а? Эта турбина, блядь, с пуска цеха, больше тридцати лет! Покрасили они её, блядь!

– А хули! Эстетика производства, – подняв вверх указательный палец, произнёс Малыш.

– Пошла она на хуй, эта эстетика, – сказал Узбек и взял бутылку.

Налив по стакану, он посмотрел сквозь бутылку на свет:

– Осталось ещё на раз. Надо идти.

Малыш взял свой стакан:

– А хули! Никуя! Пойдём!

Узбек взял свой. Выпили. Погода была тёплая, потому одеваться долго не пришлось. Напоследок допили то, что осталось в бутылке, и, обувшись, пошли в ближайший магазин. Находился он совсем рядом. Зайдя, сразу отправились в ликёро-водочный отдел. Выбрали недолго. Посоветовавшись, взяли сразу литр. На закуску брать ничего не стали. Оплатили покупку на кассе и, стараясь не попадаться на глаза вахтёрше, вернулись к Узбеку. Разулись, прошли к столу. Сели. Узбек не очень ловкими движениями распечатал бутылку и плеснул из подрагивающего горлышка в два стакана.

Взяли. Звонко чокнулись. Поднесли. Выпили.

– Слушай, – вдруг сказал Узбек, – кажется, мы кое-что забыли.

– Что?

– Баб надо! Надо было бутылку вина прихватить и девчонок позвать. У меня тут есть. Они и пойдут.

– Нахуя?

– Вот именно на него, – засмеявшись, сказал Узбек, – вином напоить и засадить. Не разговоры же с ними разговаривать.

Узбек опять засмеялся.

– Да баба-то нахуя? Ну хочешь, мне засади, – сказал, улыбаясь, Малыш.

Узбек недоумевающе посмотрел на Малыша:

– Ты чё, ебанулся?

– А чё такого-то? Мы вон с Андрюхой как-то бухали-бухали, а потом я ему говорю: «Слушай, а хочешь меня выебать? Ну это не как пидоры, не подумай, а просто из любопытства». А он такой: «Да похуй, давай!» Ну портки сняли, да он мне засадил. Больновато, но хуйня. По пьяному-то делу. «Давай, – говорю, – теперь я тебе». «Да вообще похуй! Давай!» Ну и я ему засадил. Туговато, но тоже хуйня. Ну и всё, дальше бухать.

Узбек посмотрел на Малыша и как будто даже немного протрезвел:

– Ты угораешь, ебать, что ли?

Но, видя по лицу Малыша, что тот, похоже, говорит вполне серьёзно, добавил:

– Слышь, нахуй! Я шас сделаю вид, что ни хуя не слышал, а ты вали отсюда на хуй, понял?

– Да ты чё, Узбек! – растерянно произнёс Малыш. – Да нормально всё. Ты не подумай! Я ж не пидор. Ну не хочешь, как хочешь. Пузырь-то добить надо.

Малыш потянулся к бутылке, чтобы разлить ещё по одной. Но Узбек стал ещё более серьёзным:

– Я говорю, пошёл на хуй отсюда!

Узбек встал. Рука Малыша замерла в сантиметре от бутылки. Он сидел с вытянутой рукой и снизу вверх смотрел на Узбека. Узбек тоже как будто застыл, глядя на Малыша. Нельзя сказать, чтобы во взгляде Узбека были злость или раздражение, но было в них что-то, что заставило Малыша подняться.

– Н-ну л-ладно, – чуть запинаясь, сказал он, – пойду тогда.

Узбек ничего не ответил. Он молча провожал Малыша глазами, пока тот не дошёл до входной двери, обулся и наконец, что-то пробурчав на прощание, вышел. Узбек сел, посмотрел на бутылку, взял её, налил себе полстакана водки и выпил.

– Ну пиздец, – сказал он вслух.

В бутылке было ещё много. За окнами вечерело, но было ещё не очень поздно.

«Не дело вечер проёбывать», – подумал Узбек. Он взял бутылку, закрыл её крышкой и пошёл обуваться. В общаге нет проблемы найти, с кем выпить, особенно если есть что. Узбек знал, к кому можно пойти, и, закрыв двери комнаты, отправился продолжать вечер.

Когда Узбек вернулся, было уже совсем поздно и в комнате было темно хоть глаз выколи. Узбек был куда пьянее, чем когда он выходил несколько часов назад. О своём собутыльнике он уже и думать забыл. Узбек стал раздеваться, готовясь ко сну. Спать Узбек любил голым, поэтому, сняв штаны и майку, он бросил их на стул, а затем снял и трусы, кинув их поверх. Уже голым он дошёл до буфета, взял чайник и прямо из носика попил теплой воды. Затем он вытер рот рукой, подошёл к кровати, отёрнул покрывало и, распластавшись, лёг. Под ним что-то зашевелилось. Не успел Узбек сообразить, как раздался крик, и кто-то отчаянно стал спихивать его с кровати. Наконец Узбек свалился на пол, а некто вскочил с кровати и, подбежав к выключателю, щёлкнул им. Яркий свет резанул по глазам. Узбек зажмурился. Наконец он разглядел своего соседа, стоящего возле входной двери, где находился выключатель. Сосед оторопело смотрел на Узбека. Когда Узбек зашевелился, пытаясь подняться, сосед пришёл в себя и закричал:

– Ты чё, охуел?! Так набухался, что уже похуй – мужик или баба! Или ты этот?..

Узбек был покрепче своего соседа, поэтому тот даже в ярости побоялся сказать вслух слово, так и застывшее у него на языке. Узбек, поднявшись, сам пытался понять, что происходит.

– Ты же уехал вроде. Какого хуя ты тут делаешь?

– Вернулся вот, я вообще-то тут живу!

– Да ты хуйню-то не неси, – наконец собрался с мыслями Узбек, – ну перепутал кровати.

Нужен ты мне, ещё хуй об тебя марать.

Узбек отошёл к своей кровати и, глянув на соседа, залез под одеяло.

– Выключи ты свет, ебать, и ложись. Не буду я к тебе приставать, придурок.

Когда сосед выключил свет и вернулся к кровати, Узбек, подавив смешок, сказал:

– Разве что чуть-чуть.

– Пошёл на хуй! – завопил сосед и выскочил из комнаты.

Неизвестно, где он был всю ночь, но когда, ближе к полудню, Узбек проснулся, ни соседа, ни его вещей в комнате уже не было.

IV

Кузя был заместителем начальника цеха почти два десятка лет. И кто бы ни был при нем начальником, все знали – все вопросы решает он, Кузя. О повышении или об отпуске, об отгуле или о подмене, по любому поводу шли к нему. Как он скажет, так и будет. А говорил он обычно тихо, вкрадчиво и один раз. И этого было более чем достаточно, и человек уже шёл, да какой там шёл, бежал выполнять. Нельзя сказать, любили ли Кузю подчинённые или уважали, но точно испытывали трепет, когда он звонил и просил кого-то зайти в свой кабинет. И вот, этот человек, Кузя, человек, который навёл в цехе идеальный порядок, пожалуй, впервые, не знал, что ему делать и какие слова подобрать в предстоящем разговоре. Он сидел за своим столом и думал о том, что собирался сказать, но никак не мог сформулировать свою мысль. В дверь постучали.

– Войдите, – сказал он и даже как будто заволновался.

Дверь открылась. Заглянула женщина средних лет:

– Можно?

– Да, да, – сказал Кузя и жестом указал ей на стул.

Она вошла. Среднего роста, без особых примет, лет чуть за тридцать, короткая стрижка под мальчика и деланно жёсткое выражение лица подростка. Женщина прошла и села у стола, напротив Кузи. Кузя сидел положив руки на стол и смотрел на женщину, не зная, как начать разговор. Наконец он собрался с мыслями:

– Антонина, я, честно говоря, не знаю даже, как начинать этот разговор... Впервые такое у меня за всю мою жизнь... В общем, жалуются на тебя коллеги...

Антонина сидела молча и смотрела вроде бы на Кузю, но как будто сквозь него.

– Жалуются, в общем, на тебя коллеги... Говорят, что ты к ним... Я даже не знаю, как тут сказать... В общем, что ты к ним пристаёшь.

Антонина сфокусировала взгляд на Кузе, но ничего не сказала.

– Говорят, проходу не даёшь. Наедине боятся оставаться. Пойми меня правильно, я не хочу осуждать или что-то ещё. Я даже не знаю, что тут думать, я правда с этим впервые сталкиваюсь. Но, послушай, так же нельзя. Ты порождаешь нездоровую обстановку в коллективе. Твои предпочтения – это твоё личное дело... Но это всё не должно сказываться на работе.

Антонина сидела и слушала. Она то смотрела на Кузю, то куда-то сквозь него. Кузя ждал какой-то реакции, ждал, что Антонина по крайней мере покраснеет. Но не было ничего. Будто бы он говорил не о ней. Вся эта ситуация начинала выводить его из терпения, но он старался держать себя в руках.

– В общем, я не хочу во всё это вникать, но чтобы я больше ничего подобного не слышал.

– Или что? Уволите меня? – наконец спросила Антонина.

Кузя словно ждал этого вопроса, но, как на него ответить, он так и не придумал.

– А ты бы как поступила на моем месте? Мне жалуются аппаратчицы, что ты к ним пристаёшь, лезешь целоваться, обнимаешь, караулишь в душе.

Они боятся с тобой мыться, видя, как ты на них смотришь. Мне даже говорить всё это странно. Неужели ты не понимаешь?

– Да кто они-то? Одна она... – не выдержала Антонина. – Нравится она мне, понимаете?

Кузя оторопел от такого признания:

– Антонина! Ты что несёшь, – не выдержал он, – она женщина! И ты женщина... Ты с ума, что ли, сошла? У неё муж, семья, дети. Что значит, она тебе нравится? Тебе мужиков, что ли, мало?

Антонина даже не дёрнулась, с каким-то упрямым выражением лица она продолжала сидеть и смотреть на Кузю.

– Не нужны мне мужики. Она нужна.

– Слушай, избавь меня, пожалуйста, от этого. Хватит! Я тебя сюда позвал не признания твои слушать. Ты знаешь, я два раза не повторяю. Не хватало ещё, чтобы это до мужа её дошло. Ты понимаешь, что будет? Там я уже тебе ничем помочь не смогу. В общем, чтоб больше я всего этого не слышал. Либо держи себя в руках, либо переводись в другой цех. Разговор окончен.

Кузя перевёл взгляд на монитор компьютера и, взяв мышку, стал нервно возить её по столу. Антонина какое-то время сидела и смотрела на Кузю. Она как будто хотела что-то сказать, но не знала, как это выразить. Наконец она встала, буркнула:

«До свидания», – и уже на пороге, взявшись за ручку двери, сказала:

– Я её люблю.

Быстро открыв дверь, она скрылась в коридоре. Когда дверь захлопнулась, Кузя в сердцах хватил мышкой, которую держал в руке, по столу.

– Да ёб твою мать! – только и смог сказать он.

V

На химическом производстве в каждом цеху есть своя лаборатория, а в ней свой штат лаборанток. Производство обычно круглосуточное, работники ходят в смену. Лаборантки – тоже. Возраста лаборантки разного – кто постарше, кто помоложе. И так получается, что почти у каждой муж работает в этом же цеху. А не муж, так любовник. Кот был в том цеху мастером смены, и был у него роман с одной лаборанткой. Лет ему было чуть за сорок, ей около того же. Ходили они в одну смену. Дело-то плёвое – уединиться ночью в укромном уголке да трахнуться разок-другой. Как всё началось, Кот уже и не помнил.

Кот был женат, и сын у него единственный был, чуть за двадцать лет. Один ребёнок, говорят, не ребёнок. Может, так, может, не так, но сын отказа ни в чём не знал. Хочешь игрушку – получи, не поступил сам – будем платить, хочешь гитару – на. Правда, название у неё матершинное, этот... ибанез. Ну ибанез так ибанез. А тут сын закончил институт, вроде как и взрослый, работать пора. Но работать неохота, а вот жениться – дело хорошее. И приводит он домой девушку.

– Вот, – говорит, – жить с ней тут будем. Не расписаны, правда, но это успеется. Только вот какая штука: тесно нам будет в двушке. А дача у нас хорошая, дом, все дела. Может, вы туда переедете? Только вот, если бы мама иногда готовила, то было бы здорово, Настя готовит не очень хорошо.

Разговор этот, конечно, не в присутствии этой самой Насти был. Потому Кот сказал по-простому:

– Ты не охуел ли, сынок? Может, ещё и уборку приезжать делать?

– Вообще было бы здорово! – сказал сын.

– А может, тебе уебать просто? – спросил Кот, но тут вмешалась жена:

– Не надо грубить, ты не на работе. Ведь сын правду говорит, мы с тобой немолодые, а у него вон вся жизнь впереди, ему на ноги вставать надо, и мы должны ему в этом помочь. В конце концов, и на даче пожить можно, ничего страшного. Ты на работу на автобусе мог бы ездить. Ты говорил, что у вас есть, кто за городом живут. Кто ж виноват, что у нас машины нет.

Кот не мог поверить собственным ушам.

– Мать, ты серьёзно сейчас? То есть мы жизнь, по-твоему, просрали и должны уйти восвояси, а сыночку всё пожалуйста! Ещё и в обслугу к нему пойти.

Кот был и в ярости, и в то же время в состоянии шока. То, что сын у него избалованный эгоист, он в общем-то понимал, хотя и не слишком часто признавался в этом себе. Но что жена встанет на его, сына, сторону, было для него ударом. Хотя чего тут удивляться, она и воспитала такого сына, пока он был на работе. Кот смотрел на жену, тихую домашнюю женщину, на сына, высокого худощавого парня с нагловатым лицом, потом обвёл взглядом комнату, махнул рукой и сказал:

– Да делайте вы что хотите, я умываю руки.

После этого взял в шкафу большую сумку, побросал в неё свои вещи и, сказав, что за остальным придёт позже, оделся и ушёл. Жена, конечно, пыталась его отговорить, успокоить, но говорить тут было не о чем.

Впереди был ещё один выходной, и прежде всего Кот пошёл в магазин. Взяв водку и еды на закуску, он достал мобильный телефон:

– Привет! Слушай, я из дома ушёл. К тебе можно? Хорошо, скоро буду.

Кот приехал достаточно быстро. Алёна, лаборантка с его работы, открыла ему и проводила на кухню. Она достала тарелки, Кот достал водку. Накрыв на стол, они сели обедать. Выпили по одной.

– Ты насовсем?

Кот рассказал, что произошло. Алёна понимающе кивнула:

– Оставайся.

Выпили по второй. Кот молча ел.

Немного позже, когда обед был съеден, бутылка распита и вторая, за которой ходил Кот, тоже, они лежали голые в постели. Кот спал, Алёна думала о чем-то своём.

Уже поздно вечером Кот проснулся. Алёна была в ванной. Он встал и пошёл к ней. Он был ещё немного пьян.

– Что мы будем делать со всем этим?

– С чем этим? – спросила Алёна, косясь на его член.

– Ну с тем, что я ушёл от жены, из дома и всё такое.

– Да ничего не будем делать. Иди-ка сюда.

Алёна подвела его к раковине, включила воду, намылила его член и помыла его под струёй тёплой воды. От этих манипуляций он встал. Алёна присела на унитаз и взяла член в рот. Сосала она жадно, заглатывая член целиком. Кот растерянно стоял посреди ванной комнаты и смотрел, как Алёна сосёт его член. Ему было приятно и как-то странно. Когда он кончил, и Алёна, проглотив, выпустила его опадающий член, он сказал:

– Моя жена никогда мне такого не делала.

– Я не твоя жена, – улыбнувшись и облизывая губы, сказала Алёна.

VI

– Вы сейчас просто охуете! – с искренним задором произнёс Старшой.

Он сидел в курилке цеха, находящейся рядом с залом, заполненным компьютерами и операторами, следящими за производственным процессом. Была ночная смена. В курилке находились ещё несколько человек и оживлённо разговаривали. Старшой продолжал:

– Я смотрел видео сегодня, скачал с сайта «Russia today», там всё подробно рассказывается. Прикиньте, в Европе, если ты что-то сказал против гомосексуализма, то всё, у тебя отнимают ребёнка! Типа, ты не поддерживаешь демократические ценности и можешь его испортить. То есть когда две мамы или два папы – это нормально, а вот когда мама и папа, то всё – ты враг. Не дай бог, ты будешь говорить сыну, что он мальчик! Ты травмируешь его психику, вдруг он хочет быть девочкой.

Напротив него сидел Субарик, парень двадцати с небольшим лет. От негодования у него было красное лицо, он слушал с нарастающим возбуждением.

– Да хули говорить! Они там совсем уже с жиру бесятся! Не знают уже, в какие дырки долбиться! Где-то мне попалось недавно, что вот, типа, быть пидором – это болезнь и всё такое. С пониманием там надо и всё такое. С каким нахуй пониманием? Вот и приведёт такое понимание, ебать, потом к тому, что ты рассказываешь. Просто пиздить надо! А лучше куда-нибудь в шахту или на рудники, нахуй! Нароботается до потери пульса, и некогда будет о всякой хуйне думать! Толку от него для общества всё равно никакого. Семью создавать не хочет, детей рожать не хочет, ну значит, пусть идёт работает на благо общества!

– Не, ну если он ещё и ребёнка родит, то... сколько там, блядь, премия первому родившему мужику? – со смехом добавил Федя, отец троих детей.

– Да не передёргивай ты, ёбанный насос! Я про то, что он нормальную семью с бабой создавать не хочет, значит, пусть ебашит. А то он там, типа, музыкант, ебать его в рот, или художник. Нахуй нам эти художники! В стране вон работать некому!

Старшой довольно улыбнулся от произведённого им эффекта и заговорил снова:

– Ну ты ж должен понимать, что это всё тоже неспроста. Вот ты говоришь, что с жиру бесятся. С какого нахуй жиру? Что, у них там хорошо, что ли? Это у нас тут либерасты все думают, что в Европе – рай. А их просто используют американцы. Не столько американцы, сколько их верхушка. Я ж говорил уже, Америкой правят евреи. Американскому правительству даже банковская система не принадлежит, в отличие от нас. И вот эти самые евреи и управляют всем. А как численность людей сократить? На Ближнем Востоке – войны, в Европе гомосексуализм. Никого убивать даже не надо – сами вымрут. Конечно, они и поощряют однополые браки и гей-парады. И на Россию всё время нападают – типа, у нас тут свободы нет. А получается-то, что свобода – это гей-парады, вот тебе и подмена понятий.

– План Даллеса в действии, – вставил Федя, – я вон смотрел тут недавно по телику «Военную тайну». Там даже документы показывали из архива американского. Там то ли выкрали их, то ли наш какой-то шпион добыл. Всё так и есть, воевать против России они не могли, вот и придумали. Рок-н-ролл, пепси, секс, наркотики, вся эта хуйня, от которой у нас кипятком ссут.

– Уроды, блядь! – распаляясь, почти выкрикнул Субарик. – А ведь в Советском Союзе всего это не было! Ни наркоманов, ни пидоров этих ебанных, ничего. Ну Высоцкий, говорят, на игле сидел. Ну так то паршивая овца!

– А все восхищаются им, – добавил Старшой. – Правильно, хули, за рубеж съездил, посмотрелся, вот тебе и пожалуйста! Баба же у него из Франции. Свободные нравы, хуё-моё.

– Не, ну ты на Высоцкого не гони! – перебил Федя. – Актёр-то он был заебанный! Вспомни «Место встречи изменить нельзя!» Да и песни у него очень жизненные! «Если друг оказался вдруг...» чего стоит!

– Ну а толку? Вот его поэтом называют. А какой он поэт! Вот Пушкин – да, действительно, поэт. И ему почему-то и без наркоты хорошо жилось и писалось.

– Да, а щас лучше, что ли? Все эти певцы – кто на игле сидит, кто на хую чьём-нибудь.

– А как ты ещё на сцену попадёшь? – заметил Старшой. – Только через постель. Я ж тебе говорю, Лёх, в жопу дай раз, сразу повышение получишь!

Последнее относилось к молодому, который от этой фразы только засмеялся.

– Вот видишь, – улыбаясь, сказал Старшой, – сейчас ты на это уже со смехом реагируешь, а помнишь, раньше, когда только пришёл? Сразу красный становился, начинал кричать, что мы тут охуевшие совсем, что как так можно!

– Да а хули толку на вас кричать? – всё ещё улыбаясь, сказал Субарик.

– Вот! Сначала ты кричал, теперь смеёшься, ещё немного времени пройдёт, и начнёшь уже прикидывать, кому в жопу дать, чтобы повысили, – сказал Старшой, и все, включая Субарика, грохнули дружным смехом.

– Да ну вас на хуй, – сказал Субарик, поднимаясь, – пойду в обход схожу.

– Молодой ещё, глупый, – сказал Старшой и тоже поднялся, – пора бы всё же и поработать.

VII

Когда Поэт зашёл в раздевалку, кое-кто уже стоял возле своих шкафчиков и передевался. Он прошёл сначала в правый конец раздевалки, чтобы со всеми поздороваться, и шёл теперь в левый – к своему шкафчику. По дороге он прошёл мимо шкафчика Лёлика, который стоял абсолютно голый и собирался надевать рабочие штаны. Исподнего Лёлик на работе не носил. Поэт подошёл поздороваться, подал Лёлику руку, но тот не отпустил её, а потянул на себя.

– Поэт, хуй нюхать будешь? – со смехом спросил Лёлик.

– Пошёл ты! – Поэт стал вырываться, но Лёлик не отпускал.

Кто-то прошёл мимо:

– О, у Лёлика опять брачные игры.

В тот момент, когда Поэт рванул особенно сильно, Лёлик отпустил. Поэт отлетел к противоположному шкафчику.

– Какой же ты всё-таки debil! – обиженно сказал Поэт, отряхиваясь.

– Да ладно, Поэт! Если больно, давай я приласкаю! – под общий смех сказал Лёлик.

– Пошёл ты на хуй! – Поэт, отряхнувшись, пошёл к своей кабинке.

Подойдя и открыв её, он стал снимать с себя верхнюю одежду.

– Поэт! Да ты не обижайся! Лёлик ведь любя, – крикнул кто-то, и все засмеялись.

– Да дурак ваш Лёлик! Взрослый мужик, отец, а ведёт себя как дурак.

– Поэт, ну вот ты тоже взрослый, детей у тебя нет, а ты без «как», просто дурак, – под хохот остальных вставил Карась, молодой оператор.

– Ты вообще бы помолчал! Я тебя почти в два раза старше, между прочим!

– А хули толку! Ума-то у тебя от этого больше не стало.

Все снова засмеялись. В одном из рядов мужик постарше негромко сказал товарищу:

– Вообще Поэту стоило бы ёбнуть Карасю разок в зубы. Чтобы на старших не пиздел, раз дома не научили.

К Лёлику подошёл Пельмень, напарник Поэта.

– Слушай, взрослые же мужики! Лёля, у тебя дети вон. Чё ты хуйней занимаешься? Ну ладно, я там иной раз его вздрочну, но то по делу, а чтоб вот так – нахуя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.